

UNITED WISDOM

Почему существует субъективный опыт: трудная проблема сознания

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W11 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Почему существует субъективный опыт: трудная проблема сознания

Эпиграф

> *«Из моей версии аргумента нельзя заключить, что материализм ложен». — Джозеф Левин, Materialism and Qualia: The Explanatory Gap, 1983, с. 354; фрагмент предложения, собственный перевод английского оригинала. Автор сохраняет объяснительную трудность, различая её с метафизическим опровержением.*

О чём эта статья

Можно рассказать, как система различает звук, сохраняет сведения и готовит ответ, а затем спросить: почему происходящее вообще переживается? Именно различие вопросов делает трудную проблему сознания интересной. Она не означает, что изучение мозга бесполезно или что любая нематериальная теория уже доказана. Статья рассматривает объяснительный разрыв: переход от описания механизмов и функций к субъективному характеру опыта. Выбранные первичные тексты Левина и Чалмерса помогают назвать требование к объяснению; Нагель уточняет роль точки зрения, а Джеймс показывает, почему спорное слово нуждается в определённом содержании. Мы сохраняем эти аргументы как философские позиции, не объединяя их в научный приговор. Вымышленная сцена со слушателем позволит различить достигнутое объяснение, дополнительное предположение и оставшийся вопрос. Практическая цель — читать рассуждения о сознании внимательнее, не превращая ни личное переживание, ни незавершённость знания в доказательство окончательного устройства мира.

@andrey.zarinsh @ilkutki

I. Прежде чем объяснять, нужно определить предмет

Представим слушателя, который услышал короткий звук и назвал его высоким. Это придуманная ситуация, а не результат исследования слуха. В ней можно задать несколько вопросов: какой звук прозвучал, как был получен ответ и как звучание переживалось слушателем. Ответ о частоте относился бы к физическому событию; объяснение выбора слова — к определённому действию; описание переживания — к тому, как событие было дано человеку. Эти предметы связаны в нашей сцене, но связь не делает предложения взаимозаменяемыми. Если объяснение обещало показать происхождение ответа, надо оценить именно это обещание. Если оно обещало объяснить наличие опыта, потребуется увидеть, где такой переход действительно обоснован.

В этой статье субъективный опыт означает переживаемый характер состояния: для самого субъекта происходящее имеет определённый облик. Мы используем это рабочее определение для философского вопроса, а не как готовую шкалу измерения или полный словарь состояний сознания. Оно не предполагает, что всякое сообщение человека непогрешимо. Можно различить наличие переживания, его название и вывод о его причине. Слушатель вправе сказать, что звук был резким, не располагая объяснением всей процедуры слышания. Его описание получает определённую роль. Дальнейший теоретический переход потребует собственного основания, которое нельзя получить только из силы личной уверенности или привычности используемого слова.

Неверно поставленный предмет создаёт видимость быстрого решения. Если вопрос о переживании незаметно заменён вопросом о способности назвать стимул, подробное объяснение называния может выглядеть окончательным. Если, наоборот, вопрос о механизме объявлен несущественным из-за загадки опыта, полезный результат теряется без проверки. Поэтому первым шагом служит простая запись: что должно быть объяснено и какой ответ будет считаться ответом именно на этот вопрос? Это не универсальный экзамен для всех философских систем. Это способ удержать обязательство конкретного рассуждения. В дальнейшем предмет можно уточнить, но изменение следует обозначить, иначе читатель перестанет видеть, где закончилась первоначальная задача.

II. «Лёгкие» проблемы не означают лёгкую работу

В статье 1995 года Чалмерс различает объяснение когнитивных функций и проблему опыта. К первой группе он относит, среди прочего, различение, доступность сведений и возможность сообщать о состоянии. Слово «лёгкие» у него относительно: точное исследование деталей остаётся трудным и незавершённым. Это авторская постановка вопроса, не наше сообщение, будто все механизмы уже известны. Её полезно читать с оговоркой, потому что громкая пара «лёгкое — трудное» легко превращается в оценку усилий исследователей. Здесь различается тип объяснительной задачи. Возможность обозначить путь к механизму не означает, что по этому пути уже пройдены все необходимые шаги и получен окончательный результат.

В условной сцене можно предположить, что подготовлено хорошее объяснение выбора ответа о высоком звуке. Оно описывает, какие сведения различаются, как участвуют в дальнейшей обработке и почему получается данное слово. Мы не утверждаем, что такое объяснение реально получено для нашего вымышленного слушателя. Предположение нужно, чтобы увидеть структуру следующего вопроса. Даже если поставленная функциональная задача выполнена, читатель может спросить, объяснено ли также, почему этот процесс сопровождается переживанием. В аргументе Чалмерса это дополнительный предмет. Принять его постановку или спорить с ней следует отдельно от проверки того, насколько хорошо конкретная модель объясняет обещанный способ получения ответа.

Различение задач позволяет признавать ограниченный успех без преувеличения и без обесценивания. Модель может выполнять определённую работу, не претендуя на ответ обо всём опыте. Тогда её нужно оценивать по заявленной задаче. Более широкое обещание потребует более широкого основания. Это обычная логика чтения объяснений, которую мы применяем здесь редакционно; она не подтверждает заранее ни одну теорию сознания. Необязательно выбирать между фразами «всё уже объяснено» и «ничего не имеет значения». Можно сказать: понятен такой механизм; вопрос о переживаемом характере поставлен иначе; его связь с механизмом ещё обсуждается. Такой результат сохраняет и реальную работу, и видимый предел её использования.

III. Левин: понятность функции и понятность переживания

В прочитанном фрагменте работы 1983 года Левин сопоставляет причинную роль состояния и его качественный характер. Его исторический пример с болью и возбуждением C-волокон используется внутри философского аргумента. Мы не принимаем эту формулу за полное современное описание боли. Автор спрашивает, почему знание механизма, объясняющего определённую роль, должно также делать понятным, как состояние ощущается. В начале статьи он прямо ограничивает вывод: его версия аргумента не позволяет заключить, что материализм ложен. Поэтому объяснительный разрыв здесь нельзя пересказать как найденное доказательство отдельной нематериальной сущности. Это требование к понятности связи, а не готовое установление всего, что существует.

Наш слушатель помогает сохранить вопрос без заимствования медицинского примера. Допустим, объяснение показывает, почему он выбирает слово «высокий». Теперь требуется понять, какую работу выполняет предложение о переживаемом звуке. Если это только новое имя уже описанного действия, смысл такого решения надо раскрыть. Если утверждается связь между процессом и определённым ощущением, нужно показать основание связи. Простое добавление фразы «и появляется опыт» отмечает место перехода, но ещё не объясняет его. Это не запрет на предлагаемую теорию. Это возможность спросить, что в её рассуждении делает переход понятнее, чем исходное соседство двух описаний одного случая, принятого в качестве условного примера.

Требование понятности само нуждается в обсуждении. Левин в выбранном месте признаёт, что без теоретического объяснения нужного ему понятия понятности не даёт вполне достаточного ответа. Мы сохраняем эту открытость. Читатель не обязан принимать чувство неудовлетворённости за универсальный критерий истины. Один аргумент может показаться ясным, другой — требовать дополнительного шага; надо выяснить, какое требование предъявлено и почему оно уместно. Тогда выражение «объяснительный разрыв» не служит магическим названием любой трудности. Оно указывает на конкретный переход и позволяет обсуждать сам стандарт объяснения, вместо того чтобы объявить собственное отсутствие понимания окончательным пределом возможного знания для всех людей и времён.

IV. Объяснительный мост должен выполнять работу

Чалмерсовский образ объяснительного моста полезен, если вернуть ему предмет. С одной стороны находится описание функций, с другой — вопрос о переживаемом характере происходящего. Мостом нельзя назвать любое красивое слово между ними. Следует показать, какое положение соединяет описания и какой статус имеет это положение. Оно может быть определением, теоретическим принципом, предположением или выводом из определённых оснований. Эти варианты не равны. В статье мы не устанавливаем единственную допустимую форму ответа. Мы спрашиваем, делает ли предложенный переход что-то кроме повторения того, что соединение требуется. Новая терминология способна помочь, когда она уточняет связь; её новизна сама по себе ещё не означает выполненного объяснения.

Представим схему нашего вымышленного объяснения: система различает звук, затем вырабатывает ответ, а между этими описаниями добавлено слово «переживание». Если слово только подписывает тот же процесс, надо узнать, почему такая подпись отвечает дополнительному вопросу. Если схема вводит новое правило соответствия, надо увидеть его условия. Если правило предлагается как исходное, следует прямо сказать, что здесь заканчивается выведение и начинается принятое положение. Ни один из этих ходов заранее не запрещён. Их различение помогает честно представить результат. Мы не испытываем реальную схему и не вычисляем её качество; мы показываем, какой вопрос читатель может задать к месту перехода, прежде чем признать обещание выполненным.

Объяснение не обязано выводить всё из ничего. У него могут быть исходные принципы, понятия и ограничения. Но важно понимать, какие из них уже приняты, а какие должны были быть обоснованы самим рассуждением. Если спорное положение незаметно включено в начало, финальный вывод может лишь вернуть его в другом виде. Для темы сознания это редакционная проверка аргумента, не новое экспериментальное открытие. Она сохраняет возможность обсуждать теорию серьёзно: назвать её обязательства, посмотреть, что из них следует, и спросить, почему читатель должен принять именно эти основания. Открыто признанный принцип информативнее скрытого перехода, потому что позволяет увидеть реальный предмет согласия и несогласия между участниками.

V. Совпадение, условие и объяснение имеют разные задачи

Вымышленная таблица могла бы поставить рядом описание процесса и сообщение слушателя о звуке. Даже если строки согласуются, необходимо понять, что это согласование показывает. Совместное появление, предполагаемая необходимость и предполагаемая достаточность являются разными утверждениями. Здесь мы различаем их логически, не сообщая результат непрочитанного нейронного исследования. Чтобы назвать что-то необходимым условием, нужно обосновать, почему интересующий случай без него невозможен в указанном масштабе. Чтобы назвать достаточным, требуется основание для обратного направления. Один удачно описанный эпизод сам по себе не выполняет обе задачи. Условная таблица помогает увидеть требования, но не предоставляет данные, которые доказали бы их выполнение в реальном мире.

Даже обоснованное условие не всегда является тем объяснением, которого ожидает читатель. Можно установить правило связи и затем обсуждать, делает ли оно понятным характер опыта или лишь точно его соотносит с другим описанием. Это различие не обесценивает установление связи. Оно показывает, что оценка результата зависит от заявленной цели. Если исследование искало надёжный показатель, не стоит обвинять его в том, что оно не обещало завершить метафизику. Если теория обещает объяснить происхождение переживания, одного указателя может быть недостаточно в принятом ею смысле объяснения. Требование следует соотнести с обещанием, сохраняя возможность для сторон открыто спорить о том, какой результат был бы достаточным.

Для чтения полезно разделить два предложения: «это поддерживает такой вывод» и «это решает весь вопрос». Между ними часто находится дополнительное предположение. В нашей сцене рассказ слушателя мог поддерживать описание данного звука как пережитого резким; отсюда не получается закон для каждого возможного устройства. Если добавляется общий тезис, надо назвать основание обобщения. Мы не определяем здесь, какие системы в действительности обладают опытом. Человеческий пример не является испытанием сознания машины или доказательством его отсутствия. Он показывает только дисциплину масштаба: указать, что установлено, для каких случаев и в каком отношении. Чем шире следующий вывод, тем заметнее должна стать работа, которая позволяет к нему перейти.

VI. Пробел знания не равен устройству мира

Фраза «я пока не понимаю связь» сообщает о состоянии понимания. Фраза «такой связи не существует» утверждает нечто о мире. Для перехода от первой ко второй необходимо дополнительное основание. Именно поэтому важно левиновское различение эпистемологической и метафизической задачи. В нашей статье оно помогает не превращать трудность объяснения в автоматическое опровержение физического понимания или подтверждение иной субстанции. Можно считать поставленную проблему серьёзной и одновременно оставить онтологический вывод открытым. Такое удержание не обязано означать безразличие к спору. Оно означает, что вопрос о том, как мы обосновываем объяснение, и вопрос о том, что существует, ещё не были сведены к одному доказательству.

Вообразимость тоже нуждается в указанной роли. Человек может описать ситуацию, в которой функции будто бы сохраняются без переживания, и использовать её как приглашение проверить понятия. Но сама связность слов ещё не показывает, что такой случай метафизически возможен. В прочитанном аргументе Левина возможность относительно нашего знания не считается достаточной для метафизической возможности. Мы не проводим здесь полный анализ модальной логики или всех мысленных экспериментов. Нам достаточно сохранить границу вывода: воображаемая сцена способна выделить предположение, однако дальнейшая сила её использования должна быть обоснована. Иначе иллюстрация незаметно становится доказанным устройством реальности, хотя исходно служила только инструментом постановки вопроса.

Обратное преувеличение также возможно: будущему знанию заранее приписывают способность автоматически решить любой остаток. Ожидание прогресса может быть разумным направлением работы, но не заменяет отсутствующий аргумент. В этой статье не оцениваются вероятности открытия и не назначается срок окончательного решения. Можно сформулировать конкретную исследовательскую надежду и отдельно назвать то, что ещё предстоит показать. Такой язык сохраняет открытость будущего без обещания результата. Он позволяет продолжать изучение механизма и обсуждение понятий вместе, не заставляя одну область ждать полного завершения другой. Неизвестность имеет предмет и масштаб; она не обязана становиться ни вечным запретом на понимание, ни уже состоявшейся победой выбранной позиции.

VII. Нагель: точка зрения не исчерпывается внешним описанием

В выбранных страницах Нагель спрашивает, как связано переживание с определённой точкой зрения. Образ летучей мыши различает наше воображение собственного поведения и вопрос о её опыте. Этот философский пример не является сообщением о новых измерениях животных. Важно сохранить оговорки: автор допускает частичное понимание и говорит о типе точки зрения, а не только о непередаваемой собственности одного человека. Он также не отождествляет опыт с непогрешимостью. Поэтому текст нельзя сократить до лозунга, будто чужое переживание вообще не допускает никакого разговора. Его вопрос касается того, что должно сохраняться в описании, чтобы субъективный характер не исчез из самого предмета, который мы обещали объяснить.

Наш вымышленный слушатель может описывать резкость звука обычными словами, а другой человек — понимать их благодаря подходящему сходству опыта. Это условное объяснение общения, не измеренная гарантия одинаковых ощущений. Можно признать возможность частичного понимания, не объявляя два опыта полностью совпавшими. Такое различение помогает избежать крайностей: будто любое различие делает общение невозможным или будто одинаковое слово доказывает полную тождественность. Для статьи существенно другое: внешняя запись и описание переживаемого могут иметь разные требования. Если теория предлагает перевод между ними, следует увидеть условия перевода. Нельзя просто убрать точку зрения из вопроса, а затем считать, что исчезновение слов о ней уже означает её объяснение.

Предел воображения также не предоставляет права судить о ценности чужого опыта. Мы можем не представить его подробно и всё же сохранить уважение к сообщению другого человека. Это наше этическое применение, не вывод об установленной нейронной структуре всех участников разговора. Философское незнание не требует проверять собеседника на правильность переживания или принуждать его к личному рассказу. Для содержательного обсуждения можно выбрать нейтральный пример и признать, что некоторая связь пока описана частично. Тогда вопрос остаётся открытым без превращения другого человека в загадочный объект, существование внутренней жизни которого должно быть доказано именно нам по удобной для нас инструкции.

VIII. Изменение понятия должно быть объявлено

Джеймс в статье 1904 года показывает, почему слово «сознание» нужно читать вместе с предметом отрицания. Он отвергает его как отдельную исходную сущность, но сохраняет мысли и функцию познания; контексты опыта получают разные роли. Мы не называем это ответом на позднейшие аргументы Левина и Чалмерса. Это ограниченное сопоставление способов постановки вопроса. Оно помогает заметить: отказ от одного понимания слова не обязательно означает отказ от самого переживаемого. Чтобы оценивать позицию, надо узнать, какое содержание сохранено и что предлагается объяснить иначе. Исторический текст остаётся философским предложением; его нельзя сделать современным экспериментальным доказательством одним лишь переносом привычного термина в нынешнюю дискуссию.

В разговоре о нашей сцене один участник может употреблять «опыт» для переживаемого звука, другой — для сведений, доступных системе. Возможно, каждый предлагает осмысленное определение, но вопрос о достаточности ответа станет неясным, пока различие не обозначено. Полезно сохранить обе формулировки и спросить, что именно оспаривается. Если второй участник считает первый предмет неверно выделенным, ему нужен аргумент к этой постановке, а не только новая подпись. Если первый требует дополнительного объяснения, ему стоит назвать его стандарт. Объявленное изменение понятия допускает настоящий спор. Скрытая замена, напротив, может создать впечатление согласия, хотя разные стороны всё время отвечали на разные вопросы.

Никакая рамка не освобождается от необходимости раскрыть собственные обязательства. Если опыт принимается как особое исходное положение, надо назвать, что такое принятие позволяет объяснить. Если предлагается его переописание, нужно показать, что сохранено и почему не теряется искомый предмет. Если считаются достаточными определённые функции, следует обосновать достаточность. Эта статья не распределяет победителей между вариантами. Она делает видимыми переходы, которые понадобятся каждому. Сравнение первичных текстов полезно здесь тем, что различия не стираются ради общей красивой формулы. Можно читать аргументы рядом, сохраняя их разные задачи, и признавать, что ограниченное сходство ещё не является полной совместимостью систем или окончательным решением трудной проблемы.

IX. Как читать обещание теории

Читатель может начать с трёх вопросов к конкретному тексту: какой предмет объясняется, какой шаг даёт основание и какой остаток автор признаёт? Это редакционный способ чтения, не валидированный инструмент оценки науки. Ответы иногда окажутся ясными уже во введении; иногда придётся обратиться к методам или аргументу. Если нужное место не прочитано, его нельзя восстановить из заголовка. Наличие ссылки тоже не означает знакомство со всеми данными. Для нашего философского материала фактические области чтения указаны в источниках. Мы не заявляем, что сопоставили весь современный спор или проверили все эмпирические модели. Ограничение позволяет читателю понять, на что именно опирается текущий вывод.

Затем полезно отделить тезис автора от собственной реакции на него. Объяснение может казаться убедительным, но это чувство ещё не обозначает, какой переход выполнен. Может казаться неудовлетворительным, но недовольство тоже нуждается в определённом вопросе. Можно записать: понятен выбор ответа; непонятно, как из него следует переживаемый характер; автор предлагает такой принцип связи. Теперь появляется предмет дальнейшего чтения. Мы не обязаны немедленно решить, верна ли вся система. Можно выбрать один шаг, найти его основание и выяснить, что произошло после его введения. Такой масштаб делает философскую работу конкретнее и сохраняет возможность изменить мнение благодаря аргументу, а не только силе первоначального впечатления.

Особенно осторожно следует читать слова «доказано», «невозможно» и «полностью». Они усиливают обязательство предложения. Если автор говорит о выбранных условиях, нельзя добавить все возможные случаи; если показывает трудность нынешнего понятия, нельзя автоматически объявить вечную невозможность. В нашей статье эти различения являются правилами масштаба вывода. Они не устанавливают заранее, какая сторона спора окажется права. Можно заметить реальную неполноту и не придумывать окончательного ответа. Можно признать сильный аргумент и оставить видимыми его предпосылки. Ясность обязательств помогает обсуждать несогласие без требования, чтобы читатель немедленно выбрал мировоззрение по одному привлекательному названию теории или по одной запомнившейся исторической цитате.

X. Открытый вопрос может быть точным результатом

Трудная проблема в рассмотренной постановке относится к тому, почему функции сопровождаются переживаемым опытом. Объяснительный разрыв обозначает требование к переходу, а не автоматически существующее второе вещество. Нагелевский вопрос сохраняет точку зрения; джеймсовский пример напоминает об определённости отрицания и переописания. Эти связи не образуют одну доказанную систему. Мы использовали первичные места, чтобы различить предметы и обещания. Более широкое сравнение потребовало бы другого чтения. Такой итог способен быть достаточным для нынешней статьи: понятно, где поставлен дополнительный вопрос, что уже обсуждается и какие следующие основания понадобились бы для выбранного ответа. Незавершённость не скрыта и не превращена в самостоятельное доказательство позиции.

Читатель может продолжить исследование с любого ясного шага. Один захочет уточнить понятие опыта; другой — узнать, как определённая модель объясняет функцию; третий — рассмотреть стандарт понятности. Не требуется выполнять все задачи сразу. Также не нужно превращать обычное слушание звука в постоянную проверку собственной способности существовать или мыслить. Философский интерес не измеряет ценность человека, его здоровье или духовный уровень. Он может расширять язык вопроса, когда это нужно читателю, и уступать место обычному описанию, когда задачи нет. Такая свобода является редакционным условием предлагаемой практики. Она не решает устройство сознания, но сохраняет человеческий масштаб разговора о том, что человеку доступно непосредственно.

Бережный итог не обязан быть неопределённой фразой обо всём. Он может звучать вполне предметно: эта часть объяснения показывает, как получается ответ; эта часть вводит предположение о связи; вопрос о переживаемом характере остаётся в указанном смысле открытым. Следующее исследование получает адрес, а достигнутая работа — признанный масштаб. Ни загадка, ни подробный механизм сами по себе не выбирают окончательную метафизику. Выбранные источники позволяют увидеть, почему такой выбор потребовал бы аргумента. Когда это различие сохранено, трудная проблема перестаёт быть только впечатляющим названием. Она становится вопросом с определённым предметом, который можно читать, уточнять и обсуждать, сохраняя право на частичное понимание и возможность дальнейшего ответа.

Что это значит на практике

Если хотите, выберите нейтральное описание короткого звука или знакомого цвета. Запишите отдельно, что было пережито, какое действие выполнено и какое объяснение предложено. Это добровольная работа с формулировками, а не опыт для определения состояния другого человека. Можно оставить обычные слова и не создавать измерительную шкалу.

Найдите одно место перехода: как описание действия должно объяснить переживаемый характер? Отметьте, что здесь имеется — определение, предположение, принцип или поддержанный вывод. Если основание не прочитано, сохраните это как следующий вопрос. Не заполняйте пробел окончательной теорией только ради законченного вида записи.

Завершите ограниченным итогом о понятом шаге и оставшемся предмете. Практика не проверяет сознание, интеллект, память или здоровье и не является установленной терапией. Её возможный результат — более ясный вопрос к объяснению. Можно прекратить упражнение, оставить часть открытой или вернуться к повседневному описанию без обязанности принять мировоззрение какого-либо автора.

Ключевая цитата

> *«...нам нужен объяснительный мост, чтобы его преодолеть». — Дэвид Чалмерс, Facing Up to the Problem of Consciousness, 1995, § 3; фрагмент предложения о разрыве между функциями и опытом, собственный перевод английского оригинала. Образ моста обозначает требование авторского аргумента, а не найденный механизм.*

Связи между традициями

Сопоставление	Содержательная связь и граница
Левин и Чалмерс	Причинно-функциональное объяснение сопоставляется с требованием объяснить качественный характер. Два аргумента не образуют доказательство одной метафизики.
Левин и Нагель	Понятность связи и сохранение точки зрения задают разные требования к объяснению. Ограничение знания не превращается в единый вывод о невозможности понимания.
Чалмерс и Нагель	Вопрос о наличии опыта встречается с вопросом о его субъективном характере. Философские примеры не являются современной проверкой мозга животных.
Джеймс и Чалмерс	Функция познания и вопрос о сопровождении функций опытом имеют разные исходные понятия. Джеймсу не приписывается ответ на позднейшую полемику.
Джеймс и Нагель	Контекст опыта и точка зрения требуют определённого содержания. Их созвучие не означает тождества систем или доказанного исторического влияния.

Первоисточники

1. Joseph Levine, Materialism and Qualia: The Explanatory Gap, Pacific Philosophical Quarterly 64(4), 354–361, 1983. Английский оригинал опубликованной статьи в скане. Прочитаны выбранные с. 354–359 до начала рассуждения о минимальном редукционизме, не весь текст. Историческая формула боли не используется как полная современная нейрофизиология; эпистемический вывод отличён от метафизического.

2. David J. Chalmers, Facing Up to the Problem of Consciousness, Journal of Consciousness Studies 2(3), 200–219, 1995, английский оригинал на сайте автора. Прочитаны § 2 полностью и выбранное начало § 3 до следующего раздела. Не вся статья или позднейшая предложенная теория; различение является авторским аргументом.

3. Thomas Nagel, What Is It Like to Be a Bat?, The Philosophical Review 83(4), 435–450, 1974, английский оригинал, скан опубликованной статьи на университетском учебном сайте.

Прочитаны выбранные с. 435–442, включая оговорки о частичном понимании точки зрения и ошибочности описания; не весь текст и не современные исследования животных.

4. William James, Does 'Consciousness' Exist?, Journal of Philosophy, Psychology, and Scientific Methods 1, 477–491, 1904, английский оригинал в транскрипции York University под редакцией Christopher D. Green. Использовано уже фактически прочитанное выбранное начало и объяснение двух контекстов опыта; не вся статья или система радикального эмпиризма.

Теги

сознание, субъективный опыт, трудная проблема, объяснительный разрыв, объяснение, механизм, функция, переживание, качество опыта, точка зрения, Левин, Чалмерс, Нагель, Джеймс, философия сознания, материализм, метафизика, эпистемология, понятность, принцип, предположение, аргумент, условие, достаточность, необходимость, первоисточники, граница вывода, неопределённость, чтение, автономия

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.